

ОТЗЫВ

на диссертацию М. М. Черниговского «Музыкальные связи Российской империи и Европы в 30-е годы XVIII века», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.7. История международных отношений и внешней политики

Заявленная тема представляется достаточно интересной, учитывая заметное расширение музыкальных контактов между Россией и Западной Европой во времена правления императрицы Анны Иоанновны. При этом соискатель, что весьма примечательно, избрал не вполне естественную в подобном случае специальность 5.10.3 Виды искусства, более соответствующую его базовому образованию как профессионального музыканта (информация об этом представлена на официальном сайте Санкт-Петербургской филармонии), а специальность 5.6.7. История международных отношений и внешней политики.

Однако, строго говоря, сама тема диссертации не соответствует паспорту этой научной специальности. Из 11 указанных в нем направлений исследований к музыке с большой натяжкой можно отнести разве что последнее: «Роль культуры и науки в современных международных отношениях. Культура и межкультурные отношения». Хотя и в нем недвусмысленно акцентирован современный, а не сугубо исторический аспект. Что же касается направления «Международные отношения и внешняя политика на разных этапах исторического развития», указанного в Заявлении соискателя, то для отнесения к нему темы диссертации, вероятно, надо иметь сильно развитое воображение. Впрочем, на все эти формальные коллизии можно закрыть глаза, если бы работа действительно оказалась посвящена истории международных отношений и внешней политики, хотя и в не совсем привычном музыкальном аспекте. Но вот этого в ней как раз и нет. То есть, конечно, в ней обращается внимание на значимость контактов России и Европы в культурном отношении, позволяющих включить Российскую империю в число передовых европейских стран XVIII века, но то, *каким образом* это делалось (как на собственно дипломатическом уровне, так и на уровне личных контактов) практически никак не прописано.

Вполне допускаю, что на этот счет сохранилось немало интересных документов (в том числе неопубликованных), требующих тщательного изучения и адекватного толкования. Но вместо этого диссертант излагает ряд давно известных исторических фактов, например, свидетельствующих о том, что в 1731 году польский король и саксонский курфюрст Август практически одолжил Анне Иоанновне музыкально-театральную труппу Т. Ристори, а неаполитанский певец и скрипач Пьетро Мира (кстати, более известный под именем придворного шута Педрилло) договорился о приезде в Россию в 1735 году композитора Франческо Арайи вместе с так называемой «Италийанской кампанией».

Но вот как именно это осуществлялось, с кем велись переговоры, каково было их содержание и в чем состояли позиции сторон, – все это, увы, осталось «за кадром». Судя по всему, по причине полной неосведомленности об этом автора диссертации. Достаточно привести лишь одну цитату: «В 1735 году после заключения в Италии контракта с посланником из России П. Мира в нашу страну приезжает итальянский композитор Франческо (Франциско) Доменико Арайя» (с. 69). Даже если признать правомерным применение в данном предложении слова «посланник» не в сугубо дипломатическом, а в достаточно широком смысле, ни текста самого контракта, ни ссылки на него не приведено. Не говоря уже о том, что соискателю ученой степени кандидата исторических наук должно быть известно, что такого государства как Италия в XVIII веке не существовало. Так что, в какой именно стране был заключен контракт, совершенно непонятно.

Зато можно вполне определенно утверждать, что никаких новых фактов, касающихся русской музыкальной культуры 30-х годов XVIII века и зарубежных контактов в диссертации не приведено. Она в целом носит откровенно компилятивный характер и лишь фиксирует то, что уже описано в исследованиях Н. Огарковой, Л. Стариковой, М. Феррацци, М. Щербаковой и многих других авторов, в целом воссоздавших достаточно многообразную картину музыкальной культуры времен Анны Иоанновны, отметив различного рода европейские влияния в области музыкального театра, музыкального и балетного образования, развития музыкальной науки, нотопечатания и т. д.

Впрочем, новая фактология в диссертации исторического характера может и не присутствовать. Но тогда на первый план должна выходить новизна интерпретации, казалось бы, хорошо известных сведений,

индивидуальность авторской концепции. Однако и об этом предложенный текст не свидетельствует. Вместо этого читателю сообщается лишь то, что по такому-то поводу опубликованы те или иные научные работы. Никакого собственного отношения к ним не выказано, не говоря уже о полном отсутствии научной дискуссии с потенциальными оппонентами, в ходе которой могла бы проявиться оригинальность позиции автора.

Весьма показательно, что все 9 положений, выносимых соискателем на защиту (с. 14–16), фактически оказываются трюизмами, то есть общеизвестными истинами, не требующими никаких доказательств. Неудивительно поэтому, что они не доказываются логическим путем, а попросту декларируются. Так что научная ценность диссертации М. М. Черниговского по сути ничтожна.

А представленный им в качестве Приложения № 1 так называемый «Понятийно-терминологический аппарат книжного памятника (сонатный цикл Л. Мадониса, посвящённый императрице Анне Иоанновне)» способен вызвать у любого профессионального музыковеда разве что саркастическую усмешку. Причем автор нисколько не стесняется сообщить о тех материалах, на которых он основывался, – главным образом, сильно устаревшую «Музыкальную энциклопедию» почти полувековой давности и отпечатанный на исходе прошлого столетия Большой энциклопедический словарь «Музыка», также составленный из статей советского периода (при том, что существует масса гораздо более авторитетных современных публикаций о музыкальной терминологии). Но наиболее вопиюще в научном труде выглядят отсылки к словарю «Вокальная музыка» (авторы-составители С. Никульшин, М. Черниговский и А. Ларионов), призванные подтвердить то, что *piano* означает «тихо» а *cantabile* – «певуче, напевно» (сноски 236 и 246), – словом, ту информацию, которая известна любому ученику музыкальной школы.

«Деятельность европейских исследователей Я. Штелина и Л. Эйлера, – пишет М. М. Черниговский, – сыграла во многом важную роль в развитии России как могущественной империи, а также в изменении её образа в сознании зарубежных аудиторий. <...>. При этом становление отечественной музыкально-теоретической мысли создавало ситуацию непрерывного развития профессиональной деятельности в сфере изящных искусств, что являлось важным атрибутом для выстраивания образа могущественного государства на международной арене» (с. 96). Думается, однако, что образ

России как могущественного государства на международной арене того времени обеспечивался явно другими средствами, нежели наличие пары опубликованных в стране музыкально-теоретических работ. К тому же сам фактор имперскости, весьма модный в современном политологическом дискурсе, в данном случае вообще представляется неуместным, тем более что в описываемые времена в Европе, помимо Российской, существовала лишь одна империя – «Священная римская империя германской нации» со столицей в Вене, которая, заметим, сильно уступала России по степени централизации. Что же касается издания в Петербурге в 1738–1739 годах очерка об опере Штелина и трактата «Опыт новой теории музыки» Эйлера, то они, как первые публикации такого рода на территории России, бесспорно, заслуживают того, чтобы быть отмеченными, но вот прямого отношения к развитию русской музыкально-теоретической мысли не имеют. Издание написанного на латыни трактата Эйлера, подходившего к музыке с математических позиций, в целом осталось незамеченным современниками: в России о нем вообще вспомнили только на исходе XIX века уже в качестве памятника культуры. Штелин же действительно внес важный вклад в становление отечественной историографии искусств, но сделал это существенно позднее описываемых в диссертации событий. А его «Историческое описание одного театрального действия, которое называется опера» (1738), имеет откровенно популярный характер и к музыкальной науке может быть отнесено с сильной натяжкой. Но главное даже не это, а тот факт, что, судя по всему, диссертант оригинал публикации Штелина не видел, ограничившись описанием его в статье А. Малышева «Лексико-стилистические особенности первой русской научно-популярной статьи об опере (1738 год)». При этом, воспроизводя маленький фрагмент из работы Штелина (которая в действительности является не статьей, а серией публикаций в «Примечаниях на ведомости» с 27 января по 19 июля 1738 года), он, естественно, не указал ни страницу, ни даже номер «Примечаний», ограничившись упоминанием в библиографии, вероятно, о библиотечной подшивке номеров за 1738 год в виде никогда не существовавшего единого издания («Примечания к Санкт-Петербургским Ведомостям. СПб., 1738»). Что уж говорить о том, что М. М. Черниговский «забыл» упомянуть о поводе для написания работы Штелина (кстати, Малышев об этом также не сообщает), а именно – петербургской премьере оперы Ф. Арайи «Сила любви и ненависти», о которой в «Примечаниях», естественно, рассказывается

достаточно подробно. И, разумеется, соискатель явно не в курсе того, что Штелин написал свой опус по-немецки (русским он попросту не владел), так что фактически сохранился лишь его изданный перевод.

Оценивая диссертацию М. М. Черниговского, особо хотелось бы обратить внимание на то, что из 230 библиографических записей, составивших Список источников и литературы, только 14 приведено на иностранных языках, причем 4 из них – это указания на Интернет-порталы, 5 – публикации XVIII столетия, одна из которых – «Музыкальный словарь» Ж.-Ж. Руссо 1768 года (позиция 75 библиографии) – вообще никак не задействована в основном тексте. И лишь 5 позиций в той или иной мере имеют отношение к относительно современным научным публикациям, что в диссертации по специальности «История международных отношений и внешней политики» представляется **критически незначительным количеством**. Более того, представленная в библиографии книга Джеймса Харриса о дискуссиях в британской философии XVIII века (позиция 152) в основном тексте диссертации вовсе не задействована, а отсылка к книге американского политолога Джозефа Сэмюэля Ная, касающаяся относительно современной концепции «мягкой силы» (с. 69), мало того, что неконкретна, так еще и выглядит по меньшей мере странно в контексте событий почти трехвековой давности.

Интересно, что при предельно малом количестве публикаций на иностранных языках диссертант в лучшем случае прибегает к общей характеристике их содержания, не приводя конкретные цитаты, что невольно наводит на мысль, что он знаком с ними по вторичным источникам (в частности, это касается работ барона де Кондорсе). А в том случае, когда приводятся небольшие цитаты (например, из трактата И. Й. Кванца в Приложении 1), они даются *без указания страниц первоисточника*.

Также вызывает большие сомнения тот факт, что соискатель действительно читал работу Р.-А. Моозера «*Annales de la musique et musiciens en Russie au XVIII siècle*». Буквально на одной странице диссертации (с. 40) она оказывается одновременно опубликованной и в 1945, и в 1951 году. При том, что и то, и другое неверно. В 1951 году в Женеве действительно была завершена публикация *трехтомника* Моозера, именуемого «*Annales de la musique et musiciens en Russie au XVIII siècle*», но его первый том, имеющий непосредственное отношение к эпохе Анны Иоанновны, вышел из печати в 1948 году. А в 1945 году в Женеве была издана совсем другая (хотя и близкая

по тематике) книга Моозера – «Opéras, intermezzos, ballets, cantates, oratorios joués en Russie durant le XVIII siècle».

Кстати, знакомство с современной зарубежной литературой, возможно, предотвратило бы такую грубую ошибку на с. 101 диссертации, как указание на то, что автором музыки интермедии «Подряточник оперы. В острова Канарийские», поставленной в 1733 году при русском дворе, был Леонардо Лео («Л.О.С. де Лео»). В то время как этот яркий представитель неаполитанской оперной школы создал музыку оперного интермеццо на либретто Метастазиио «Импресарио с Канарских островов» («L'impresario delle Isole Canarie») значительно позднее (премьера состоялась в Венеции в 1741 году, о чем сообщают все основные современные музыкальные энциклопедии). Данная ошибка, видимо, была заимствована из указателя, содержащегося в статье М. Н. Щербаковой «Музыкально-издательская деятельность Санкт-Петербургских типографий Академии наук» (2008). Тем более что диссертант явно придерживается характерной для данной статьи излишне расширительной трактовки понятия «музыкальное издание», распространяя его в том числе и на публикации текстов либретто. И это несмотря на то, что современный ГОСТ Р 7.0.60—2020 «Издания. Основные виды. Термины и определения» настоятельно рекомендует использовать данное словосочетание исключительно в качестве синонима *нотного* издания, под которым понимается «издание, большую часть объема которого занимает нотная запись музыкального произведения (произведений)».

В целом же при характеристике изданий XVIII века, признаваемых согласно Федеральному закону 1994 года «О библиотечном деле» (в ныне действующей редакции) книжными памятниками, неприятно поразила позиция диссертанта, избравшего вместо научного источниковедческого метода исследования способ сугубо внешнего, формального их описания с использованием при этом официальной, казенной стилевой манеры, явно неуместной в научном исследовании гуманитарного профиля. Остается только пожалеть, что автор работы не видит в этом никакой проблемы. Подобно тому, как он умудрился не заметить того факта, что включенные им в библиографический список пять экспертных заключений (15–19 позиции) не имеют необходимых выходных данных, характерных для печатных или интернет-ресурсов, которые позволили бы их идентифицировать именно как «опубликованные материалы». Увы, но, чтобы написать диссертацию, нужно для начала хотя бы научиться правильно оформлять список литературы.

Таким образом, можно сделать однозначный вывод о том, что исследование Михаила Максимовича Черниговского «Музыкальные связи Российской империи и Европы в 30-е годы XVIII века» не соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям, представленным на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.7. История международных отношений и внешней политики, а ее автор не заслуживает присуждения искомой ученой степени.

Бочар

Бочаров Юрий Семенович,
доктор искусствоведения, ведущий научный
сотрудник НИЦ методологии исторического
музыкознания Московской государственной
консерватории имени П. И. Чайковского,
Заместитель председателя Экспертного
совета ВАК Минобрнауки РФ
по филологии и искусствоведению

Москва, 22 января 2024 года

Подпись	<i>Бочарова Ю.С.</i>	
	Ф.И.О.	
Специалист по персоналу	<i>Тупаева В.А.</i>	
	Подпись	
	Ф.И.О.	